

Аналогия и техническое творчество

Г.Я.Буш

3.1. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МЕТАФОР

Психологией установлено, что каждое слово имеет свое ассоциативное поле, которое можно разделить на поле первичных ассоциаций и поле вторичных, как правило, наиболее оригинальных ассоциаций (рис. 10). Число прямых первичных ассоциаций, окружающих ключевое слово-раздражитель, в среднем колеблется около 10. Они образуют ассоциативную заготовку — «гроздь» ассоциаций, имеют огромное значение в оперативности мышления. Кроме «грозди» прямых первичных ассоциаций, высказанных обычно без замедления, человек может генерировать значительное количество дополнительных ассоциаций. Рой дополнительных ассоциаций, как правило, состоит из ассоциаций, обуславливающих и предопределяющих ход нешаблонного мыслительного процесса.

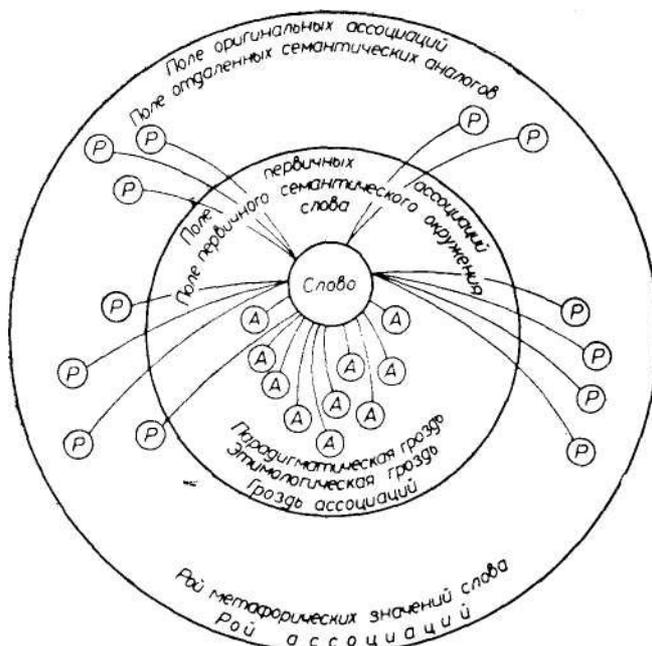

Рис. 10. Поля валентных отношений слова

Упомянутый рой нешаблонных ассоциаций является исходным материалом для генерирования оригинальных метафор. С точки зрения языкознания, ассоциативное поле представляет собой семантическое окружение ключевого слова, так как оно содержит слова, вступающие в валентные отношения с ключевым словом. Под валентным отношением мы будем понимать потенциальную возможность слова иметь семантические, грамматические, лексические связи с другими словами.

Н. А. Басилая, исследовавшая бинарные метафорические словосочетания, пришла к выводу, что в них объединены слова из другого

(не своего) семантического окружения: в семантическом окружении слова «могила» нет слова «радость», поэтому можно образовать метафору «могила радости» [13, с. 5—23], также в семантическом окружении слова «подкова» нет слова «брови», поэтому можно образовать метафору «подковы бровей». При образовании метафоры, по мнению Н. А. Басилаи, одно из слов обязательно меняет значение, причем их невалентная связь превращается в валентную. Так, например, по прямому значению между словом «подкова» (железная, изогнутая пластина) и словом «брови» (дугобразные полосы волос) нет первичной валентной связи, однако в них можно найти общие компоненты значения «изогнутые» — вторичную валентность, которая при образовании метафоры «подковы бровей» образует метафорическую валентность в смысле «изогнутые брови».

Исследование Н. А. Басилаи представляет собой интересную попытку осмыслить процесс образования метафор с точки зрения языковедения. Однако ее концепция о трех валентностях метафорических образований с логической точки зрения не является безупречной.

Если под валентным отношением понимать потенциальную способность слов иметь семантические, грамматические и лексические отношения, в чем мы согласны

с Н. А. Басилаей, то следует предположить, что слова, например, «подкова» и «брови» уже с самого начала имеют валентные отношения на основе отдаленной аналогии свойств, вследствие которых их и можно объединить в метафоре «подковы бровей». Компоненты метафорического словосочетания между собой, как правило, имеют отношение отдаленной аналогии, реже контраста, но последнее является стороной, моментом аналогичности. Именно аналогия свойств и отношений компонентов метафорических словосочетаний и предопределяет с самого начала их валентные отношения. В любом таком сочетании, например, «седина туч», «березовые сережки», «рябиновая кисть», «свиристели птиц», «хмельная ночь», «измученная земля» существует аналогия между ее компонентами. Другое дело, что отдаленная аналогия не всегда и не каждому очевидна. В банальных, тривиальных аналогиях из первичного семантического окружения слова степень очевидности высокая, в оригинальных, новых — ее нужно усмотреть, т. е. выявить потенциальные валентные отношения.

Наиболее распространенными являются следующие метафорические словосочетания:

(а) бинарная генитивная метафорическая конструкция: «ожерелье лампочек», «ярмарка невест», «пруд забот», «свадьба похорон»;

(б) бинарная прилагательно-именная метафорическая конструкция: «картавая песня», «горькая чаша», «сытый воздух», «дикое безмолвие»;

(в) бинарная глагольно-именная метафорическая конструкция: «раковины поют», «вздыхает домна», «гром грозит», «щурятся цветы», «угасает желание»;

(г) тернарная метафорическая конструкция: «война — народная чахотка», «ветер ласкает подошвы», «мозг изобретательством мотало», «плакат прохожих косит»;

(д) пропорциональная метафорическая конструкция, содержащая две бинарные конструкции: «помехи — это вороны, приносящие пищу отшельнику», «волны фосфоресцируют примусными кругами»;

(е) развернутые метафорические конструкции: «Ах, увял головы моей куст, засосал меня песенный плен, осужден я на каторге чувств вертеть жернова поэм» (С. Есенин). Существуют целые литературные произведения, представляющие собой развернутый метафорический образ, например, стихотворение А. С. Пушкина «Телега жизни».

Несмотря на разнообразие различных метафор, их структуру в большинстве случаев можно изобразить посредством единой модели. Такой моделью, как это отметил уже Аристотель, может служить пропорция. Когда мы говорим «потoki слез», «грустит шарманка», «вскипел народ», что можно понимать как определенное отношение, то всегда подразумевается и другое аналогичное отношение: «потoki воды», «грустит человек», «вскипела вода». Первые и последующие отношения соотносятся между собой в виде пропорции $a:b::c:d$. То же самое относится и к другим метафорическим словосочетаниям: «Кружит звезд мотыльковый рой», «Практика церкви - кастрация, святой - идеальный кастрат», «Горит костер рябины красной».

Любое сравнение, метонимию, синекдоху можно представить как отношение двух терминов (а:в), любую метафору — как пропорциональное соотношение двух сравнений или двух синекдох, или двух метонимий. Так как сравнение и синекдоху логически можно рассматривать как разновидности метонимии, то метафора представляет собой пропорциональное соотношение (а:В::с:d) двух метонимий (рис. 11).

Метафора не является искусственным, чуждым языку построением. Она появилась в языке на основе объективной необходимости. Она не может быть устранена из языка без потери своих функций.

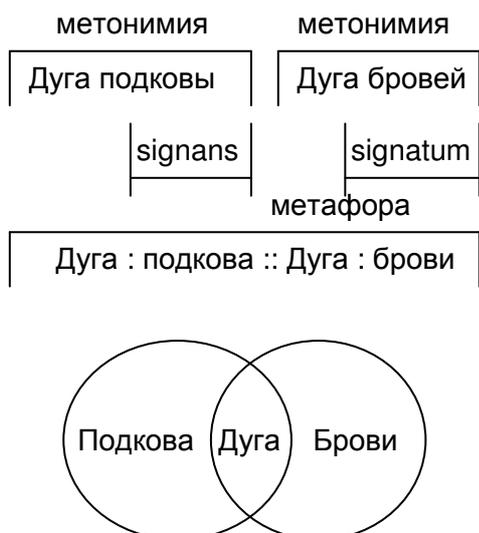

Рис. 11. Образование метафор из двух метонимий на основе семантической аналогии

Метафора является и средством, и результатом познавательной деятельности. В гносеологическом смысле метафора — это языковая форма выражения логических отношений аналогии и связанных с ней операций отождествления, экстраполяции, обобщения, конкретизации.

Разные исследователи главными считают различные функции метафоры: Э. Меландри — эвристическую [126, с. 30], Б. Лауретано — прогностическую [120, с. 15], Зенген — эстетическую [143, с. 9—27], Т. Хокс — трансляционную [111, с. 3], а К. Берк для каждой из разновидностей метафорических словосочетаний выделяет свою главную функцию: для синекдохи — репрезентативную, для метонимии — упрощительно-преобразующую, для собственно метафоры — прогностическую [101]. Э. Адаме главную функцию метафоры определяет с помощью метафорического выражения: такой он считает «портняжную» функцию облачения нового в старую одежду [89, с. 378—380], т. е. выражения новых мыслей с помощью старых слов.

Нам не представляется правомерным выделение какой-либо главной функции метафоры. Феномен метафоры является полифункциональным. Выделение главной функции, как правило, отражает лишь аспект, который ученый считает главным для своего исследования. Каждая конкретная метафора предназначена для своих целей и для каждой — своя главная функция. Для поэтической, риторической и научной метафоры главными выступают различные функции. В логико-гносеологическом аспекте, который интересует нас, метафоры обладают ярко выраженными познавательной и эвристической функциями. Другими важными функциями метафоры следует считать деноминативную, выразительную, трансляционную, репрезентативную и эстетическую функции.

Функции конкретной метафоры в значительной мере детерминируются целями их генерирования и применения. Наиболее часто метафоры используются для достижения следующих целей:

(а) поэтических — путем словотворчества и создания ярких художественных образов;

(б) риторических — для привлечения внимания слушателя или читателя;

(в) эмоциональных — для выражения чувств, эмоций, аффектов, настроений;

(г) познавательных — путем создания парадигм, базальных метафор и других моделей познания, служащих для объяснения неизвестного известными языковыми средствами;

(д) эвристических — путем поиска с помощью метафор на основе аналогии новых идей, гипотез, для антиципации будущего.

Рассматривая познавательную функцию метафор, необходимо отметить, что существует концепция, согласно которой метафоры представляют собой умозрительные фикции, совершенно не связанные с реальной действительностью. Распространение этой концепции расширилось благодаря трудам Иеремии Бентама, выделившего для метафор место лишь в поэзии, которая, по его мнению, представляет особую разновидность детской игры. В других областях Бентам для метафор как фикций не находил места [94]. Однако многие другие ученые на конкретных приме-

рах показывают, что метафоры языковыми средствами отражают реальные свойства и отношения объектов действительности. В результате, например, У. Стефенс приходит к выводу, что «реальность является обязательным элементом для каждой метафоры» [144].

Ни с одной из этих крайних точек зрения на метафоры нельзя согласиться. Метафоры всегда являются прямым или опосредованным отображением реальной действительности. Однако не всякое отображение является адекватным, возможны кривые, неверные, неадекватные отображения. На основе таких искривленных отображений метафоры строят неотомисты с целью их использования для доказательства бытия бога. Метафоры в основном строятся с помощью аналогий. Однако можно построить и неясные метафоры, основанные на квазианалогиях, или построить метафоры на воображаемых аналогиях, не имеющих прототипа в реальной действительности. Такие метафоры ни познавательной, ни эвристической ценности не имеют, наоборот — они являются источником заблуждений.

Метафоры — это аналоги, выраженные в своеобразной языковой форме. Правила правомерности генерирования и применения метафор принципиально не отличаются от общих правил аналогизирования. Познавательные выводы на основании метафор можно сделать только в определенных границах сходства свойств и отношений между метафорическим образом и его прототипом, причем эти выводы носят вероятностный характер.

С точки зрения эвристики, метафоры пригодны для генерирования множества оригинальных гипотез, но эти гипотезы подлежат обязательной интерпретации и проверке практикой. Понятие метафоры часто определяется метафорически: «стереоскоп идей», «фильтр ассоциаций», «носитель новизны», «молочный брат мечты», «транслятор неизвестного», «риторический дождь», «мост между известным и неизвестным», «ключ к открытию», «петля взаимодействия символического и доказательного полей», «конденсированная парабола», «сокращенная аллегория», «кратчайший путь между известным и неизвестным» и т. п. Множество подобных выражений, высказанных различными исследователями, свидетельствует, что они предполагают у метафор наличие выраженных эвристических свойств.

Мы уже отметили, что метафора основывается на сравнении, синекдохе или метонимии. Ее эвристические свойства в известной мере определяются свойствами этих оснований. На синекдохе основывается, например, парадигма, прототип, элементы которых соотносятся между собой как часть и целое, вид и род и тому подобное, поэтому, несмотря на познавательное значение, ярких эвристических свойств от синекдохы в большинстве случаев не следует ожидать. Метонимия основывается на сопоставлении, параболе, сравнении объектов на основе их смежности в пространстве и во времени. Если сравниваемые объекты (объемы понятий) при синекдохе находятся в отношении субординации, включения, то при метонимии объемы сравниваемых объектов находятся в отношении координации или пересечения. Так как в последнем случае в принципе возможно большее разнообразие свойств и отношений сравниваемых объектов, то от метонимии можно ожидать и более ярких эвристических свойств. Этот вывод, однако, нельзя отнести к каждой отдельной метонимии, поскольку упомянутое большее разнообразие свойств далеко не всегда налицо, кроме того, степень эвристичности метонимии зависит и от многих других факторов.